

Русская культура и А. С. Пушкинъ

(Речь, произнесенная въ день празднованія «Дня Русской Культуры» въ Парижѣ 6 июня 1926 г.).

Идея праздника Пушкина уже имѣетъ краткую исторію и довольно убѣдительный опытъ. Несмотря на печальныя, хотя неизбежныя тренія, въ общемъ опытѣ удался. Положительныя стороны идеи оказались сильнѣе препятствій. Пушкинскіе дни не заброшены послѣ первой попытки, а повторяются все въ большемъ и большемъ масштабѣ; они расширяютъ свое основаніе, становятся праздникомъ вообще Русской Культуры: имъ удается стать и виѣ политическихъ партій, т. е. стать праздникомъ *всей* эмиграціи.

Достаточно произнести это слово, чтобы понять, однако, что *такимъ* нѣтъ праздникъ остаться не можетъ. Пушкинъ могъ заставить насъ забыть свои здѣшнія разногласія; не онъ отдѣлять насъ и отъ оставшейся дома Россіи. Пушкина можно не трогать; но разъ онъ былъ названъ, его праздникъ не можетъ быть ни праздникомъ партій, ни праздникомъ всей эмиграціи, онъ можетъ быть только днемъ національнаго русскаго праздника.

Сегодняшнее собраніе первое въ рядѣ другихъ; естественно, если первое слово на немъ будетъ посвящено не Пушкину, а идеѣ этого праздника; это тѣмъ позволительнѣй, что въ ней самой много глубокаго смысла.

Символична самая ея постановка. Национальные праздники — явленіе совершенно естественное; если отдѣльный человѣкъ празднуетъ свои именины, почему не дѣлать этого государству? Но всѣ государства, которыя знаютъ этотъ обычай, выбрали для подобнаго праздника событія своей *государственной* жизни. Государствъ такъ много, что ихъ всѣхъ прослѣдить невозможно: но такъ поступаютъ главныя, законодатели политическихъ модъ, и тѣ которыя изъ снобизма имъ подражаютъ. Событія государственной жизни могутъ быть очень различны: день объявленія независимости, какъ въ Америкѣ, или побѣда народнаго мятежа, какъ во Франціи: однако и то и другое, несмотря на все ихъ различіе,

одинаково явления *политическія*. Даже новыя государства, которыя родились послѣ войны, которымъ приходилось выдумывать и флаги и гимны, и тѣ, устанавливая національные праздники, брали на нихъ дату своей кратковременной *государственной* жизни. А Польша обратилась къ своей прежней исторіи — къ эпохѣ наканунѣ паденія, къ политическому событію 3-го мая. Словомъ національные праздники повсюду приурочивались къ *этимъ* событіямъ; они представлялись самыми важными и показательными; «политика» заслоняла все остальное.

У насъ въ Россіи не было національнаго праздника. Ни въ одной странѣ не было такого обилія праздниковъ, какъ у насъ. Наряду съ узаконенными церковными праздниками были и самочинные. Такъ въ мѣстахъ, гдѣ я жилъ, усердно праздновали Ильинскую пятницу, которую ни въ одномъ календарѣ найти невозможно. Но для русскаго государства среди такихъ праздниковъ особеннаго дня не нашлось. Официальный міръ зналъ многочисленные царскіе дни; но эти дни мѣнялись въ каждое царствование, что показывается, что они и не претендовали считаться праздниками въ честь государства. И хотя у насъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было было замѣтно преобладаніе государства въ жизни страны, хотя исторія наша богата государственными событиями полными драматизма и содержанія, нашъ официальный міръ изъ всей нашей исторіи не сумѣлъ выбрать ни одного события для *національнаго* праздника.

Возьмемъ другой полюсъ — науку «общественность», слово ведемъ намъ понятное, но которое на иностранный языкъ перевести невозможно и смыслъ котораго иностранцамъ нельзя втолковать. Она пыталась сама создать день Національнаго праздника. Въ дни моей юности его старались приспособить къ 19-му февраля. Казалось бы лучшаго дня найти невозможно; всё элементы страны въ немъ принимали участіе. Его одѣлала *власть*, онъ отвѣчалъ желаніямъ нашего *общества*, онъ наконецъ имѣлъ объектомъ *народъ*. Въ рѣчахъ, которыя произносились по этому поводу, этого дѣла любили сравнивать съ взятіемъ *нашей* Бастилии. Все это было краснорѣчиво, но ничего не вышло изъ этой попытки. День 19 февраля національнымъ праздникомъ все же не сдѣлался и былъ только использованъ какъ предметъ для политической демонстраціи.

Словомъ въ Россіи не было національнаго праздника; самая мысль о немъ сочувствія не встрѣчала. И это понятно: тамъ, гдѣ есть реальность, не нужно символовъ: въ домѣ, гдѣ всё еще живы, не нужно портретовъ членовъ семьи. Пока была жива русская го-

сударственность мы часто ее осуждали, даже съ нею боролись; но мы не замѣчали того блага, которое несмотря на всѣ ея недостатки ежедневно отъ нея получали; а главное даже и не представляли себѣ, что когда-нибудь ее потеряемъ. Что мысль о національномъ праздникѣ родилась среди эмиграціи — есть тоже символъ. Мы здѣсь почувствовали всю жестокую правду тѣхъ словъ, которыя мы, когда у насъ еще была государственность, съ какимъ-то пророческимъ предвидѣніемъ оцѣнили у поэта, котораго и любилъ, и переводилъ Пушкинъ. Изъ всего «Пана Тадеуша», мы знали только его первыя строки, которыя Мицкевичъ написалъ когда тоже былъ въ эмиграціи:

«Отчизна милая, подобна ты здоровью,
«Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
«Кто потерялъ тебя».

Когда судьба привела насъ самихъ испытать силу этихъ пострадавшихъ въ эмиграціи словъ, намъ сталъ нуженъ національный праздникъ Россіи; нуженъ, какъ символъ, что Россія жива, хотя и запрещено ея имя; какъ символъ того, что мы не только бѣженны съ паспортами доктора Хансена, но граждане родины, которую у насъ не отняли и не могутъ отнять никакіе декреты; что несмотря на всѣ разномыслія, всегда особенно острыя въ эмиграціи, есть нѣчто, что выше всего, что соединяетъ насъ между собой и съ тѣми кто остался въ Россіи.

Но если намъ нуженъ день національнаго праздника, можемъ ли мы искать его въ событіяхъ нашей государственной жизни? Можно мечтать и надѣяться, что въ будущемъ эти событія сложатся такъ, что создастся опредѣленный день радостнаго перелома, день обновленія и примиренія, въ которомъ всѣ признають дату національнаго торжества, уподобя его взятію Бастиліи или хотя бы 11-му ноября, окончанію великой войны. Но это тайна будущаго, быть можетъ не близкаго. Но въ прошломъ нашемъ нѣтъ даты, которая не вызывала бы теперь грустныхъ воспоминаній, не казалась бы днемъ обманутыхъ надеждъ, совершенныхъ ошибокъ, или даже просто «днемъ великой печали». Изъ дня въ нашемъ прошломъ, который могъ бы *всѣхъ* слить во едино.

И потому мысль эмиграціи пошла по другому руслу; въ отличіе отъ другихъ государствъ, отъ обычаевъ всѣми усвоенныхъ, она день національнаго праздника стала искать не въ событіяхъ государственной жизни, а въ явленіяхъ жизни культурной; и думалъ, который ни въ комъ не можетъ вызвать ни сомнѣнія, ни

разногласія, днемъ радостнымъ и торжественнымъ, полнымъ историческаго смысла для насъ, она выбрала день рожденія того міроваго гиганта, котораго мы счастливы имѣть право называть *своимъ национальнымъ* поэтомъ, день рожденія Пушкина.

Но мы уронили бы значеніе этого выбора, если бы объяснили его одной невозможностью найти подходящую дату въ событіяхъ *государственной* жизни. Пусть это нововведеніе всего большаго зависить отъ несчастныхъ и преходящихъ условій, которыя переживаетъ Россія; въ этихъ условіяхъ еще не *весь* смыслъ этого выбора. Онъ имѣетъ причины болѣе общія, чѣмъ можетъ казаться, и предпочтеніе *культурнаго* дня въ *наше* время имѣетъ другой символическій смыслъ.

Кто вздумаетъ въ наши дни отрицать государственность, какъ громадное достиженіе? Мы не мыслимъ человѣка внѣ общегитія, а общегитія внѣ государства. Анархизма, какъ серьезной теоріи, не существуетъ; мы грѣшимъ скорѣе въ обратную сторону. Въ наше время создается мистика государства, преклоненіе передъ нимъ. Любопытное явленіе, надъ которымъ стоить подумать; поклоненіе государству совпало по времени съ общимъ и болѣзненнымъ кризисомъ государствъ. Чѣмъ глубже этотъ кризисъ, доходящій до катастрофы, какъ напрямѣръ, въ Россіи, у насъ, тѣмъ болѣе растутъ претензіи государства не знать ничего *выше себя*. И невольно приходитъ вопросъ: не оттого ли и родился этотъ кризисъ, что слишкомъ велики стали претензіи государства, слишкомъ рѣзко несоответствіе ихъ съ тѣмъ, чѣмъ *можетъ* быть государство? Вотъ почему въ это переходное время такъ естественно вспомнить, что на-ряду съ *государственной* формой, въ которую сложился народъ, есть совокупность того свободнаго безъ всякой принудительной силы народнаго *творчества*, которое развивается по другимъ основаніямъ и которое мы называемъ *культурой*. Пусть эти области связаны, пусть одна въ сущности покрываетъ другую; пусть всякое разграниченіе и особенно опредѣленіе ихъ одуетъ искусственнымъ: мы все-таки понимаемъ ихъ разницу. Да простится банальность сравненія; эти понятія находятся въ томъ же соотношеніи между собой, какъ духовная жизнь человѣка и его тѣлесная оболочка. Какъ ихъ раздѣлить и опредѣлить? Но отъ этого мы ихъ не смѣшиваемъ; болѣе того: тѣ измѣненія, которыя происходятъ у всѣхъ на глазахъ съ тѣлесной оболочкой, заставляютъ насъ понимать, что жизнь человѣка *ей* не исчерпывается. Мы знаемъ, что когда плоть немощна, духъ можетъ быть все-таки бодръ; знаемъ, что когда тѣлесная оболочка вовсе *разрушена*, отъ человѣка можетъ что-то остаться,

перейти къ другимъ, какъ духовное наслѣдство покойнаго. «Весь я не умру», какъ говорилъ Пушкинъ. Не то-же ли происходить съ государственными объединениями? Они тоже не вѣчны, тоже болятъ, а иногда исчезаютъ: мы это недавно наблюдали своими глазами. И вспоминая про это мы яснѣй постигаемъ, *въ чемъ* состоитъ самостоятельная сила національной культуры. Мы видѣли примѣры, какъ государственность исчезала, какъ народъ на полтора вѣка терялъ свое государство и все-таки воскресалъ потому, что сумѣлъ не потерять своей національной *культуры*. Уцѣлѣвшая культура возрождала умершее государство, какъ бы иллюстрируя обѣты писанія о воскресеніи *тѣлъ*. Я существую потому что я мыслю — говорилъ великій мыслитель; такъ и народъ живетъ своей національной жизнью потому, что имѣетъ культуру, а не потому, что онъ втиснуть въ рамки принудительнаго объединения — государства. Это полезно не забывать.

День «культуры» такимъ образомъ полонъ значенія; онъ не суррогатъ дня государственности; онъ самостоятельная дань понятію національной культуры. Но въ этомъ праздникѣ есть еще одна сторона; входя въ эту область мы освобождаемся, хотя бы на время, отъ засилія многихъ представлений, навыковъ и суевѣрій, которыя на насъ наложила современная «государственность».

Фигура Пушкина напримѣръ сама по себѣ есть отвѣтъ на модное суевѣріе *о всемогущестѣ государственя*. Сейчасъ это суевѣріе особенно расцвѣло. По мѣрѣ того, какъ государственная власть переставала быть удѣломъ немногихъ и переходила въ руки народа, особенно въ руки тѣхъ его элементовъ, которые раньше возставали противъ злоупотребленія власти, защищали противъ нея права и свободу отдѣльныхъ людей, по мѣрѣ этого не уменьшалась, а росла вѣра во всемогущество государственной власти. Государство все *слытъ* и все *можетъ*, — вотъ чему вѣрять теперь. Государство все *слытъ*: и противъ суверенной «воли народа» итѣтъ правъ «Человѣка и Гражданина» какъ наивно выражались когда-то отсталые дѣятели времени Революціи. Государство все *можетъ*: достаточно его повелѣнія, чтобы устроить по справедливому всю жизнь страны и установить общее счастье. Много горькихъ разочарованій принесетъ человѣчеству эта надежда, даже въ тѣхъ областяхъ его жизни, которыя болѣе доступны воздѣйствію государства. Много разъ будетъ ему суждено убѣдиться, что законы природы, даже человѣческой, сильнѣе законовъ, которые издаетъ государство. Но нигдѣ безсиліе государства не обнаруживается съ такой яркостью, какъ въ области куль-

туры, особенно при встрѣчѣ съ гигантами вроде нашего Пушкина. Можетъ ли государственная власть, при всемъ напряженіи своего аппарата, *создать* Пушкина? Государство сильнѣе его; но въ чемъ? Оно можетъ его затравить, искалѣчить и уничтожить; оно въ силахъ отнять его у народа; но *создать* его оно безсилно. Въ области культуры обнаруживается истинное назначеніе государства; *создавать для народа условия, въ которыхъ можетъ развиваться и процветать его свободная дѣятельность*. Это очень много, но это и все. Если государство самонадѣянно претендуетъ на большее, если оно захочетъ национализировать культуру, какъ национализировало имущество, захочетъ исправлять и направлять духовное творчество своихъ подданныхъ, заставить его служить своимъ государственнымъ цѣлямъ, то это та хула на Духа Святого, которая ему не простится. Государство понесетъ за нес наказаніе. Культура, свободное творчество сумѣютъ постоять за себя. На службѣ у государства окажутся уроды и карриатуры, а истинная культура уходить въ подполье, метить государству насмѣшками, бѣжить изъ страны, гдѣ на нее посягаютъ, или просто на-просто *убиваетъ*. И горе государству, которое будетъ считать эту гибель *своею* побѣдой.

Есть еще суевѣріе, которое обличается простой ссылкой на Пушкина. Мы живемъ въ демократическій вѣкъ, подъ властью демократическихъ принциповъ. Одинъ изъ нихъ — принципъ равенства, вѣра въ права большинства, въ преимущество коллективного разума. Въ области государственной жизни человѣчество давно идетъ по *этой* дорогѣ, и она еще не пройдена до конца. Старый принципъ «аристократія» забыть и отвергнуть. Но перейдемъ въ область культуры и принципъ «аристократія» въ томъ вѣчномъ смыслѣ, на который указываетъ самое слово, въ архивѣ не сданъ, и всякой демократизмъ не станетъ съ нимъ спорить. Я не буду винкать существуетъ ли вообще коллективное творчество. Но если оно даже есть, никакая коллективная работа, ничьи коллективные усилія уровня «генія» не достигнутъ. Этой «аристократія» демократизмъ не уничтожить. Въ области культуры — и притомъ совершенно безразлично какой — существуютъ «избранники милостью Божьей» и Вожди — «по Божьему изволенію, а не многоязычному человѣческому хотѣнію», какъ писалъ Курбскому Грозный. Есть эти вожди, которые сами всѣхъ шокоряютъ, которыхъ радостно всѣ признаютъ и водительство которыхъ не только никому не приноситъ вреда, но никого не обижаетъ: *такихъ* вождей не можетъ искусственно создать ни вельміе государства, ни воля народа; они помазанники собствен-

ной силы, какъ говорилъ Хомяковъ; ихъ сама судьба посылаетъ народу.

Но все связано между собой; гдѣ есть «герои», есть и «толпа», гдѣ есть «вожди», есть и «народъ». У толпы, у народа есть и свои права; плохо имъ, если они выходятъ за ихъ предѣлы, претендуютъ на большее; но плохо и героямъ, если они народныхъ правъ не замѣчаютъ, или не признаютъ. Пушкинъ нашель жестокия слова для «черни пустой»; онъ ей сказалъ: «подите прочь». За это гордое слово Бѣлинскій его осуждалъ. Это несправедливо; слова Пушкина относились не ко всякой, а только къ той *претенціозной* толпѣ, которая оомѣлилась диктовать *свою* волю поэту, задавать ему *свои* темы. Чернь въ изображеніи Пушкина та самая, про которую онъ говорилъ въ своемъ отрывкѣ изъ Пидемонте: «зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа, не все ли мнѣ равно»? Этой самодовольной и высокомерной толпѣ Пушкинъ имѣлъ право бросить слова, которыя онъ сказалъ бы и властямъ за попытку предписать ему тему для творчества...; *procul este, profani*. Но не *всегда* и не *всякая* толща такова. А главное вѣдь и сами вожди исполняютъ свое назначеніе только тогда, когда *ведутъ* за собою другихъ. Пусть не всѣхъ и не сразу; но если за ними *никто* не идетъ, если они остаются непонятными и чужими, если вся ихъ работа будетъ «мертвый слѣдъ, подобный узорамъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ», то и они пройдутъ по этой землѣ, безъ всякой пользы. Тогда «пѣсня ихъ безслѣдно пролетѣла», какъ говорилъ *другой* поэтъ, *другого* поколѣнія и формаціи, но который тоже, какъ Пушкинъ умѣлъ владѣть умами и «ударять по сердцамъ съ невѣдомой силой». Нельзя посягать на права и свободу вождей; но есть своя роль и права у толпы. Я не могу слышать безъ раздраженія высомѣрныхъ словъ: «мы создали Пушкина» или «Толстого». *Не мы* ихъ создали; но у русскаго народа все же есть права на Пушкина и на Толстого. Они въ томъ, что народъ ихъ позналъ и оцѣнилъ. Права Россіи на Пушкина — это тѣ сотни незнакомыхъ людей, которые толпились у дверей его дома, когда узнали, что онъ умираетъ; это тотъ культъ, которымъ народъ окружилъ его память. Культъ не создаетъ божества и *его не вовѣщаетъ*; но культъ очищаетъ и возвышаетъ *молнящихся*. Культъ своихъ героевъ народъ *пробуждаетъ* къ этимъ избранныкамъ. но и отводитъ имъ мѣсто въ исторіи. Это даетъ ему на нихъ и права. Вліяніе вождей на народъ, по опредѣленію Пушкина, — въ томъ, что они умѣютъ пробуждать въ немъ добрыя чувства, умѣютъ найти доступъ къ тому доброму, что есть въ народной

душѣ. Эта способность отдѣляетъ любезныхъ народу поэтовъ отъ развратителей - демагоговъ; отдѣляетъ ихъ и отъ тѣхъ считающихъ себя существами высшаго порядка, влюбленныхъ въ себя, непризнанныхъ гениевъ, которые смотрятъ на свой народъ чѣмъ высокоумѣемъ и равнодушьемъ. Эти не признанные гении не пахотятъ съ нимъ ни общаго языка, ни общаго пониманія и остаются для него «мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ». Здѣсь затрагивается великая тайна, взаимодействие *толпы и героев*.

Въ наше время, когда «государство» съ своимъ принуждениемъ все заслоняетъ, эти законы культурной жизни полезно припомнить; въ нихъ тоже значеніе «культурнаго» праздника. Но если отъ общихъ понятій перейти специально къ нашей *русской* культурѣ, это станетъ еще очевиднѣе.

Это — щекотливая задача сопоставить русскую культуру и русскую государственность, особенно если имѣть, какъ я, твердую цѣль никого не задѣть. Въ области государственныхъ взглядовъ развогласія между всѣми нами не сгладились; положеніе бѣженцевъ ихъ всегда лишь обостряетъ. Но на чужбинѣ мы лучше понимаемъ другое: что Россію нельзя уложить въ опредѣленную партію, что она развивалась по-своему, что все то, что съ нею случилось, было необходимо, и что въ этомъ всѣ виноваты. Вина вѣтъ каждый по-своему, своей особой виной, но виноваты рѣшительно всѣ. Сейчасъ не время заводить препирательства, обвинять непременно другъ друга, защищая себя; единственно, что умѣстно сейчасъ, это постараться уразумѣть, что случилось, а для этого прежде всего признать то, что было.

Если такъ, то кто же изъ насъ рѣшится отрицать величіе нашей прошлой государственности, всего нашего прошлаго, которое сумѣло создать страну, которая могла бы ни отъ кого не зависѣть и ни въ комъ не нуждаться? Въ день праздника Пушкина, краснорѣчиваго и убѣжденнаго поклонника Петра Великаго, могли ли бы мы легкомысленно посягнуть на красоту нашей исторіи? Въ этомъ мы всѣ *должны* быть согласны.

Но хотимъ ли мы этого или нѣтъ, мы должны будемъ признать другое: что эта могучая государственность не вынесла испытанія. Тяжелое испытаніе обрушилось на всѣхъ, всѣхъ придавило; многие и по сейчасъ не изжили ранъ, которыя оно имъ нанесло. Но именно мы, русскіе, которые съ гордостью воображали, что время *за насъ*, что *насъ* свалить невозможно, что для *нашей* выносливости и сопротивляемости предѣла не существу-

еть, именно *мы* развалились раньше и полнѣе другихъ. Пусть въ этомъ повинны отдѣльные лица или отдѣльные направленія. Это не утѣшеніе. Если ошибки отдѣльныхъ людей могли привести къ такимъ результатамъ, это вина уже не ихъ, а всей государственности, которая отъ этихъ ошибокъ свалилась. Это показываетъ, что она въ своей совокупности была нездорова, что, какъ говорилъ человѣкъ, котораго никто не упрекнетъ въ недостаткѣ патріотизма, мы были «колоссомъ на *глиняныхъ* ногахъ», который оказался слабѣе многихъ изъ тѣхъ, на кого смотрѣлъ сверху внизъ.

Въ нашей государственности была другая черта, которая теперь стала виднѣе; знакомясь ближе съ жизнью Европы, мы лучше оцениваемъ, *что* наша государственность дала для другихъ, *чему* она мнѣ научила. Были моменты, когда намъ казалось, будто мы, русскіе, несемъ съ собой «новое слово», будто мы сильнѣе другихъ, будто мы восстанавливаемъ въ Европѣ порядокъ, и можемъ руководить другими народами. Знаменательно, что именно въ такие моменты нашей гордыни мы, подъ видомъ спасительнаго новаго слова, посла Европѣ тотъ самый ядъ, отъ котораго дома у себя погибали. Такъ было съ Петербургомъ, въ началѣ прошлаго вѣка, когда онъ былъ оплотомъ Европейской *реакціи*, такъ съ Москвой сейчасъ, когда она хочетъ быть руководителемъ міровой *Революціи*. *Новыя слова* нашей государственности не удавались.

Сравнимъ съ этимъ нашу культуру; здѣсь другая картина. Культура наша была молода и скромна; она не считала своей жизни вѣками; чѣмъ была она до *Петра* и даже до *Пушкина*? Она смотрѣла на Западъ снизу вверхъ, какъ ученикъ на учителя: не посла ему новыхъ словъ, а часто покорно ему подражала. И что же? Именно наша *культура* сумѣла поразить этотъ Западъ; привести ему откровенія, двинуть его культуру впередъ, обязать на нее то вліяніе, о которомъ на Западѣ догадались раньше. Чѣмъ мы сами это замѣтили. Въ знаменитомъ стихотвореніи въ прозѣ Тургеневъ пашель въ «языкъ» утѣшеніе отъ раздумія и отчаянія, въ которое его повергли событія нашей *государственной* жизни. То-же можно сказать про нашу «культуру», про наши духовныя достиженія. Благодаря имъ, только имъ, и теперь къ намъ не потеряли довѣрія, и думаютъ, что мы *не можемъ* погибнуть. Русская культура оказалась могучѣй и живучѣй, чѣмъ наша русская государственность. И мы отдаемъ ей только заслуженную дань, когда выбираемъ *ее* для наци-

онального праздника. А для этой культуры есть ли болѣе радостный, содержательный и показательный день, чѣмъ день Пушкина? Вѣдь онъ изъ тѣхъ людей, которымъ, какъ сказалъ Вольтеръ про Ньютона, нельзя завидовать; онъ беспорекъ для всѣхъ. Достоевскій называлъ *пророческимъ* его явленіе. А Герценъ за долго до Достоевскаго сказалъ знаменитую фразу, что на царскій приказъ образоваться, Россія черезъ сто лѣтъ отвѣтила чудеснымъ явленіемъ Пушкина. Вотъ діалогъ поклонниковъ Пушкина, мѣра его обаянія для такихъ различныхъ умовъ. Можемъ ли мы для русскаго *национальнаго* праздника придумать лучшее, болѣе бесспорное знамя?

Но условія, въ которыхъ мы празднуемъ день русской культуры, властно напоминаютъ еще о томъ, что *сейчасъ* самое важное; о томъ, что наша культура переживаетъ исключительно трудное время, что ея размахъ остановленъ, что ей угрожаетъ опасность и дома и здѣсь.

Въ этомъ залѣ я не хочу дѣлать политики, или ломиться въ открытыя двери. Я могу не рассказывать, чему подвергается *дома* наша культура: мы это знаемъ; *все*, что только можетъ сдѣлать дурного грубая, невѣжественная и самоувѣренная государственная власть, все это дѣлается. Она губитъ культуру не тогда только, когда съ нею борется, но еще больше, когда воображаетъ, что ей покровительствуетъ. Пусть въ Россіи остались герои, которые не перестали работать; пусть найдутся таланты, коихъ не сумѣютъ ни сломить, ни развратить. Но чего стоитъ эта вѣчная борьба съ государствомъ?

И потому, когда здѣсь, на чужбинѣ, обломки культурной Россіи стараются объединиться вокругъ праздника русской культуры, они этичъ напоминаютъ сами себѣ, что на *нихъ* лежить историческій долгъ. Если позволительно сомнѣваться, то бы *отсюда* мы были въ силахъ служить *государству*, то мы можемъ по крайней мѣрѣ служить нашей *культуре*. Во многихъ отношеніяхъ мы для этого поставлены лучше чѣмъ тѣ, кто дома. Нашъ долгъ поэтому беречь нашу культуру, развивать ее, распространять ее, знакомить съ ней міръ. Но мы должны все-таки помнить, что ей и *здѣсь* угрожаетъ опасность.

Здѣсь опасность другая. Въ Россіи культура страдаетъ отъ насилія государства, въ Европѣ ей грозитъ соблазнъ европейскыхъ культуръ. Наша культура всегда славилась способностью воспринимать все чужое; въ этомъ была одна изъ ея сильныхъ

сторонь; на этомъ строили Достоевскій свою рѣчь въ память Пушкина. Но сейчасъ въ этомъ свойствѣ *угроза* для нея. Тамъ, дома, на стволѣ національнаго дерева, прививки чужеземныхъ культуръ опасности не представляли; мы могли ихъ переработать, оставаясь сами собой. Иначе стоять дѣло среди эмиграціи, оторванной отъ земли и роднаго народа, живущей разбѣдной среди чужихъ людей и чужихъ, иногда болѣе высокихъ культуръ. Наша способность приспособляться въ этихъ условіяхъ можетъ привести и къ тому, что чужое задавитъ и ослабитъ наше родное. Если мы хотимъ выполнять нашу культурную миссію, мы должны *защищаться*; мы должны считать недостаткомъ то, чѣмъ *прежде* въ себѣ дорожили. Мы имѣемъ право быть нетерпимыми; это привилегія слабыхъ; то, что отвратительно въ сильномъ и въ побѣдителяхъ, разрѣшается слабымъ и побѣжденнымъ. Мы должны беречь свои культурныя достижения со скупостью чловѣка, который не имѣетъ права быть расточительнымъ; мы защищаемъ послѣднее, защищаемъ то, что не намъ однимъ принадлежитъ.

• Есть и другая опасность для нашей заграничной культуры; она можетъ сдѣлаться не столько русской, сколько исключительно эмигрантской. Своей миссіи она тогда не исполнитъ. Эмиграція явленіе преходящее, не живущее дольше одного поколѣнія; второе ея поколѣніе вернется въ Россію либо сольется съ Европой. Культура, которая была бы понятна и близка лишь для одной эмиграціи, пропала бы безслѣдно. Но эта опасность не страшна, если мы ее понимаемъ, если своей национальностью мы дорожимъ *больше*, чѣмъ слияніемъ съ иностранцами. Тогда въ этомъ случаѣ мы будемъ держать рвнивую связь со своимъ *прошлымъ*, имъ будемъ питаться; а черезъ него мы поддержимъ и связь съ современной Россіей. Въ одномъ вѣдѣ нельзя сомнѣваться; и мы и они тамъ, въ Россіи, одинаково послѣдствія нашего *прошлаго*; какъ ни различны наша судьба и наши взгляды, мы *все* вышли *оттуда*, *все* имъ одинаково созданы. Чѣмъ болѣе воображаютъ въ Россіи, что современныя событія принесла въ нее нѣчто новое, тѣмъ больше владыки момента отрицаются стараго, тѣмъ больше Россія возвращается къ этому старому, уходитъ вглубь того темнаго и печальнаго прошлаго, отъ котораго она начала было освобождаться. Когда Россія излѣчится отъ большевистскаго гнета, станетъ сама собой, она не будетъ похожа на ту, въ которой мы жили; но и эта будущая и неизвѣстная Россія будетъ тѣсно связана со старой, вырастетъ изъ нея, какъ растеніе вырастаетъ изъ сѣмени. Если и мы тоже

не разорвемъ съ этой *старой* Россіей, мы въ новой Россіи не окажемся иностранцами, и несмотря на всѣ наши различія мы *другъ друга* поймемъ. У насъ останутся съ ней общія исходныя точки, общія воспоминанія, радости и сожалѣнія. И если мы не перестанемъ сознать, что намъ придется еще жить вмѣстѣ съ той новой Россіей, которая сейчасъ такъ болѣзненно тамъ создается, мы будемъ стараться не столько отъ нея отмежеваться, сколько *ее понимать*.

Вотъ тѣ различныя мысли, на которыя наводитъ праздникъ русской національной культуры; ихъ полезно продумать; въ нихъ есть и воспоминанія, и утѣшеніе, и призывъ.

В. Маклаковъ